

Спектакль окончен. В зале тишина. Словно в нем нет ни души. Вдруг тишину разрывает гром аплодисментов. Весь зрительный зал в едином дыхании скандирует: «И-ва-но-вуу!»

И выходя из зрительного зала, хочется подойти к артистке, сказать ей — спасибо! Спасибо за подлинное, правдивое искусство.

«Материнское поле» Айтматова — это не только спектакль, посвященный 40-летию Якутского драматического театра имени П. А. Ойунского. Это не только очередная удача театра и постановщика — заслуженного артиста ЯАССР Ф. Ф. Погапова. Это спектакль, еще раз убедивший в большом таланте заслуженной артистки ЯАССР Александры Дмитриевны Ивановой.

Говорить о спектакле — значит прежде всего говорить об А. Ивановой в роли Толгонай и прежде всего о ней.

Мы видим открытое зеркало сны, голый станок в пустом пространстве. На нейтральном фоне задника — рисунок далеких гор, ветка цветущей яблони свисает с колосников, сбоку скамеечка возле заборчика. И камень слева от зрителей, почти на авансцене. Вот и все оформление спектакля, не изменяющееся весь вечер.

На камень села женщина. Заговорила тихо, словно сама с собой. Кажется, нет ничего особенного в этой женщине в темном киргизском платье, в стоптанных сапогах, в белом платке, ниспавшем на грудь своими длинными концами. Кажется, очень просто — смотреть куда-то вдаль и дрожащими губами тихо рассказывать, словно размазывать перед нами клубок своих воспоминаний...

Но в кажущейся простоте игры артистки — ее большое искусство, искусство переживания, искусство перевоплощения в образ.

Тем, кто читал повесть Ч. Айтматова «Материнское поле», сразу же бросается в глаза единение артистки А. Ивановой-Толгонай с авторским замыслом этого образа. В этом, пожалуй, главная заслуга и главная удача артистки.

Толгонай — колхозница-мать. Неграмотная киргизская женщина. Один за другим отдали свою жизнь на по-

лях войны ее три сына — Касым, Джайнак, Маселбек, ее муж Суванкул, трагически умерла ее невестка Алиман — жена Касыма... Казалось бы, нет предела ее горю, все в мире померкло и не стоит жить. Казалось бы, что совсем не встанет с земли несчастная мать, когда, сраженная известием о гибели мужа и сына, упала она в страшном рыдании.

Но Толгонай не одна вызывает чашу страданий. Женщины-односельчанки тоже одиноки. Многие, многие потеряли мужей, братьев, сынов...

А земля ждет посева. Она ждет, чтоб к ней прикоснулись трудовые руки людей. В колхозе остались несколько стариков, малые дети и больные, слабые женщины... И вот Толгонай начинает борьбу за жизнь против смерти.

Очень интересен и органичен переход у Толгонай-А. Ивановой от страшной по своей пассивности тоски к действенной животворной активности.

Мужественна Толгонай — А. Иванова. Свое личное, неумное горе она не распекивает, не демонстрирует на людях. Стараются спрятать его, заглушить, зная, что не одна она поражена несчастьем. Толгонай поняла, что ее личное горе — это и горе народное. Силу преодоления беды своей Толгонай черпает в единении со своим народом, в повседневном труде вместе со всеми. Мы видим, как постепенно духовно крепнет характер этой женщины и любим ее за ту красоту сердца, за чистоту большой совести, которую она нам показала. Мы видим и верим, что и народ любит свою Толгонай.

Высокой трагедийностью насыщена игра А. Ивановой в сценах, обличающих ужасы войны. Особенно выразительна сцена на полустанке, куда Толгонай и Алиман пришли встретить Маселбека.

Ожидание, надежда, тревога, тоска, отчаяние сменяются в игре А. Ивановой. Увидеть сына! Только увидеть! — вот чего хочет Толгонай. Она перебегает с одной стороны сцены на другую, всматриваясь в проходящие поезда. Лицо ее озаряется вспышкой света. Мы видим сухие, горящие, отчаянные глаза артистки, видим ее дрожащие, нетерпеливые руки, как бы

стремящиеся удержать вагоны, и вместе с ней хотим остановить безжалостный поток эшелонов, стремительно бегущий мимо. Толгонай-Иванова падает на шпалы и лежит без движения. Алиман (заслуженная артистка ЯАССР М. Канаева) поднимает ее с земли и передает брошенную Маселбеком шапку. Крепко, нежно прижимает к своей груди эту шапку Толгонай, встает прямая, сильная и бросает проклятья виновникам ее мук: «Так пусть я буду последней матерью, которая так ждала сына! Не приведи бог никому обнимать железные рельсы и биться головой о шпалы», — гневно звучат слова в устах Толгонай.

Роль Толгонай очень трудна для актерского исполнения. Но А. Иванова успешно справилась с этими трудностями. Она использует разнообразные выразительные средства и главное из них — умение эмоционально мыслить; это достигается в паузах. В них раскрывается внутренний мир чувств и желаний героини. Скупость, лаконичность жестов, почти скульптурных по своему рисунку, подчеркивают необычную духовную красоту образа. Ясен и чист ее голос с мягкими, душевными интонациями в обыденной речи и сильно звучащий в местах трагедийных. Выразительны глаза А. Ивановой. В них, как в зеркальной глади, отражаются все мысли и стремления Толгонай. Глаза улыбаются, радуясь счастью Касыма и Алимана, а позже лукаво смеются над проделками внука Жанболота, испуганно вопрошают прошедшего солдата — единственного вернувшегося с фронта, гневом сверкают в обличительных сценах.

Всем существом своим восприняла А. Иванова и черты характера Толгонай: сдержанность чувств, почтительное уважение к старикам, упорство в достижении цели, трудолюбие и любовь к природе. Последнее чувство особенно глубоко и убедительно проявляется в отношении к Матери-Земле. Толгонай-Иванова находит простые, нежные интонации для Матери-Земли. Слово с живым, близким человеком общается она с ней, жалуется, просит и негодует, ожидает ответа на тревожные для сердца вопросы.

— «Скажи мне, Мать-Земля, скажи правду, могут ли люди жить без войны?» — Вопрос ее требователен. Это вопрос всему человечеству. Чутко, напряженно слушает Толгонай ответ Матери-Земли (арт. А. Кузьмина) и спорит с ней: «Я не согласна с этим, жизнью своей не согласна! Могут люди, должны люди преградить путь войне!» — так убедительно, так твердо звучат эти слова в устах А. Ивановой, что, несомненно, так думает, так хочет не только простая киргизская женщина-мать Толгонай, а каждая из советских женщин, каждый честный человек на свете!

Актриса А. Иванова свой творческий путь начинала в стенах Якутского театра в 1945 году после окончания драматической студии. Потом пять лет она училась в Москве в театральном училище им. М. С. Щепкина при Академическом Малом театре, где получила диплом с отличием.

За десять лет работы в театре А. Иванова создала целую галерею образов: Квашня — «На дне» М. Горького, Кулава — «Снегурочка» А. Н. Островского, Павлина — «Стряпуха» А. Софронова, Шанргиль — «Кто виноват?» Т. Абдумомунова, Дарья — «Попутчик» И. Семенова и многие другие. И каждый образ — это большой нелегкий труд актрисы, неутомимый поиск. А. Д. Иванова много и настойчиво работает над повышением своего творческого диапазона. Она, несомненно, еще не раз порадует зрителя своим талантом.

Отрадно, что за создание образа Толгонай в «Материнском поле» А. Иванова выдвинута на соискание республиканской премии им. П. А. Ойунского. Она заслужила это.

А. ХОДЖАЕВА,
заслуженный работник
культуры ЯАССР.

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ЯКУТИЯ**